

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

*Работа представлена кафедрой философии
Уфимской государственной академии экономики и сервиса.*

Советский цивилизационный проект, в отличие от досоветских, можно назвать вертикальным. Он предполагал не просто нахождение особого места страны рядом с другими цивилизационными образованиями и даже не просто возвышение над ними. Он предполагал их полное поглощение в процессе всемирных революционных преобразований, которые начались в России. Это была заявка на прорыв в реальное осевое время, в котором разрозненное и запутавшееся в конфликтах человечество сумеет наконец-то объединиться, но не благодаря освоению абстракции единого Бога или универсальных принципов глобального капиталистического рынка и обслуживающих его юридических норм, а благодаря постижению абстракций коммунистической идеологии.

Ключевые слова: *социальный идеал, цивилизационный проект, советская эпоха, достижения советской системы, имитации советской системы, огосударствление советской законности, канонизированное коммунистическое верование, советско-социалистическая идентичность.*

R. Istamgalin

SOCIAL IDEAL: CIVILISATIONAL ASPECTS OF THE SOVIET SOCIETY'S DEVELOPMENT

Unlike pre-Soviet ones, the Soviet civilisational project can be called vertical. It meant not only finding a special place of the country among other civilised societies and not only rising over them. It meant their total absorbing in the process of world revolutionary transformations that began in Russia. It was a claim for a breakthrough in the real axial time for the mankind entangled in conflicts to be able to unite at last: not due to assimilating the abstraction of single God or universal principles of the global capitalistic market and legal norms serving it, but due to perceiving the abstractions of the communist ideology.

Key words: *social ideal, civilisational project, Soviet epoch, achievements of the Soviet system, imitations of the Soviet system, governmentalisation of the Soviet legality, canonised communist doctrine, Soviet socialistic identity.*

По сравнению с советским все предыдущие российские цивилизационные проекты и в самом деле были горизонтальными. Максимум, на что они претендовали, – утверждение России рядом и *над* другими цивилизационными анклавами, т. е. достижение превосходства над ними, а не их ассимиляцию. Проекты православной цивилизации с центром в Москве, выдвигавшиеся в допетровской Руси, не распространялись за пределы православного мира. «Греческий проект»

Екатерины II предполагал доминирование России в Европе, но оставлял в ней законное место и для западноевропейских стран, считавших себя наследниками Древнего Рима.

А реализация Александром I проекта Священного союза сопровождалась даже готовностью поступиться православной идентичностью ради достижения цивилизационного единства – при лидерстве России – с Австрией и Пруссией на общехристианской основе. Не были планетарными, несмотря на

всю их амбициозность, и более поздние панславистские стратегии. Иными словами, досоветские цивилизационные проекты могли претендовать и, как правило, претендовали на альтернативность прежде всего по отношению к Западу. Коммунистический же проект в исполнении большевиков, изначально притязавший не на самобытную, а на глобальную альтернативность, был, в отличие от них, безальтернативным.

Об итогах советской эпохи говорить труднее, чем об итогах других периодов, из-за специфических особенностей ее самосознания. Цели, которые ставились перед страной ее лидерами, формулировались ими в логике перехода от капитализма к социализму и коммунизму. В этой же логике фиксировались достижения советской системы, многие из которых на поверку оказались не достижениями, а их имитациями или же просто попятными движениями по отношению к достигнутому добольшевистской Россией.

1. Коммунистическая система сняла проблему, которая оказалась неразрешимой для Рюриковичей и Романовых, неподатливость которой стала одной из главных причин обвала самодержавно-монархической государственности, и вместе с тем предопределила нетрансформируемость последней в государственность западного типа. Многовековой раскол между догосударственной и государственной культурой, усугубленный начавшейся в петровскую эпоху вестернизацией дворянской элиты, был устранен в советской России революционно-репрессивными методами посредством насильственного отсечения обоих полюсов расколотого социума: народного (общинно-вечевого) и элитного, оформившегося под воздействием европейской культуры.

Ликвидация элитного дворянско-буржуазного полюса интерпретировалась большевиками как ликвидация частной собственности и «эксплуататорских классов» и идеологически мотивировалась как необходимый шаг на пути к социализму, при котором не может и не должно быть ни этой собственности, ни этих классов. Ликвидация крестьянского общинно-вечевого полюса тоже интер-

претировалась в логике классовой борьбы, а мотивировалась необходимостью перевода деревни на социалистические рельсы посредством коллективизации и превращения сельского хозяйства в источник дешевых ресурсов для социалистической индустриализации. Но в итоге прежний раскол между догосударственной и государственной культурой ушел в историю, сменившись тотальным огосударствлением всего жизненного уклада, которое, в свою очередь, собственным культурным качеством не обладало и потому могло быть лишь исторически ситуативным и преходящим.

2. Это огосударствление сопровождалось созданием универсальных норм советской законности, с утверждением которых специфическим образом завершалось введение страны в первое осевое время и осуществлялся ее частичный переход во второе. Тот факт, что в коммунистической системе данный процесс тоже воспринимался по-особому и толковался как прорыв в принципиально новое мировое время, важен опять-таки лишь для понимания самосознания советской эпохи, свойственных ей обманов и самообманов, но факт этот не должен вводить в заблуждение относительно вектора самого процесса. Советский Союз двигался в том же направлении, что и идеологически отвергавшаяся им западная цивилизация, но параллельным по отношению к ней историческим курсом, предполагавшим не освоение, а имитацию ее базовых принципов.

Советская законность, как и западная, была конституционной. Подобно западной же, она была всеобщей, вытеснившей остатки обычного права сельских локальных миров, которые (и остатки, и миры) сохранялись в России до 1917 г. Наконец, советская законность со временем была доведена до юридического равенства граждан в их обязанностях и правах, в том числе и избирательных, что является одним из важнейших признаков второго осевого времени. Да, речь шла в основном лишь об имитациях принципов законности и права, о форме, а не о содержании. Но форма эта была универсальной, она интегрировала догосударственные миры в большое, государ-

ственно-организованное общество. Она была, говоря иначе, формой снятия социокультурного раскола.

Кроме того, в годы перестройки выяснилось, что форма «социалистической законности» и «социалистической демократии» в определенной степени могла наполняться и реальным демократически-правовым содержанием, а по мере наполнения им трансформироваться сама. При этом, правда, выяснилось и то, что советская имитационность обладает сильной инерцией, которая до сих пор блокирует становление правовой государственности в России. Коммунистическая эпоха сделала достоянием массового сознания лишь универсальные абстракции законности и права. Как императивы поведения, определяющие способ повседневного функционирования государства и общества, они в культуре не укоренились. Но в досоветский период сознанием большинства людей не были освоены и эти абстракции.

3. Важнейшей предпосылкой, сделавшей такое освоение возможным, стало развитие народного образования. В данном отношении коммунистическая система завершала долгий процесс, начавшийся во времена Петра I. Эту проблему большевики решали сознательно и целенаправленно, что определялось, с одной стороны, потребностью в квалифицированных специалистах и рабочих, соответствующих требованиям индустриальной эпохи, а с другой – желанием доказать превосходство советской системы над досоветской по части демократизации и соответствия интересам народного большинства. Универсальные абстракции научного знания, освоение которых начиналось со школы, закладывали культурный фундамент и для массового освоения других абстракций, включая абстракции государства, законности, права.

4. Вполне сознательно осуществлялось большевиками и ускоренное превращение сельской страны в городскую. Во-первых, это диктовалось нуждами индустриализации, создававшей повышенный спрос на рабочую силу, черпать которую можно было только из деревни. Во-вторых, урбанизация соответ-

ствовала доктринальным идеологическим установкам, согласно которым надежной и долговременной опорой социалистического строя могут быть только промышленные рабочие и не могут быть подверженные «собственническим предрассудкам» крестьяне. Именно большевикам суждено было подвести историческую черту под старой сельской Россией и начать историю России городской.

Советская урбанизация, осуществленная в беспрецедентно короткие сроки и заполнившая города сельскими мигрантами, обеспечила краткосрочную легитимность нового государства и его системообразующих институтов. Этому способствовало широкое распространение особого сельско-городского типа культуры, носителем которого выступало первое поколение горожан. Но в следующих поколениях он не воспроизводился, а потому урбанизации суждено было сыграть в СССР ту же роль, что и развитию образования: будучи одним из самых заметных результатов советского периода, она, вместе с образованием, стимулировала формирование ценностей, с коммунистической системой и ее идеологией несовместимых. А именно – ценностей городской культуры, т. е. индивидуальной свободы и благосостояния.

Ответить на эти вызовы советское государство могло только целенаправленной социальной политикой, которая рассматривалась им как одна из главных особенностей социализма. Строительство и содержание жилья, бесплатное образование и здравоохранение, пенсионное обеспечение оно целиком брало на себя. В таком широком наборе социальные блага не предоставлялись даже в развитых капиталистических странах, не говоря уже о докоммунистической России. Эта политика, особенно активно проводившаяся в послесталинскую эпоху, была непосредственно связана с урбанизацией и порождавшимися ею потребностями, хотя от ее темпов и отставала.

Но дело было не только в отставании, которое само по себе системе ничем не грозило. И даже не только в том, что качество бесплатных услуг постепенно переставало соответствовать быстро меняющемуся типу

потребностей, а за более высокое качество приходилось нелегально приплачивать. Дело было и в том, что эта система социальных благ, вызывающая сегодня у многих ностальгические чувства, тогда воспринималась как привычное проявление советской уравнительности и унификации, блокировавших реализацию индивидуально-личностного начала и утверждение более высоких, чем в СССР, западных жизненных стандартов. Так, урбанизация и образование, будучи главными достижениями советского социализма, стали и главными причинами его исторического поражения.

5. Наиболее заметным и общепризнанным в мире результатом советского периода стали успехи СССР на военно-технологическом направлении, включая военно-космическое, где он стал пионером. Коммунистическая система обнаружила мобилизационный потенциал, достаточный для проведения индустриальной модернизации, победы в войне с гитлеровской Германией и превращения страны в одну из двух мировых сверхдержав. Успехи СССР на этом направлении показали, что при концентрации в руках государства всех материальных и человеческих ресурсов военная мощь может быть обеспечена и при низкой эффективности экономики.

С созданием в Советском Союзе ядерного оружия и средств его доставки старая проблема военно-технологической конкурентоспособности по отношению к Западу, воспроизводившаяся на всем протяжении правления Рюриковичей и Романовых, в прежнем ее виде проблемой быть перестала. Но с появлением такого оружия уходил в прошлое и прежний тип больших войн между ведущими державами: и оборонительных, и статусных, и тех, которые обуславливались установками на приращение территорий. Тем самым обозначился и принципиально новый исторический вызов, перед которым оказалась страна, – вызов миром, т. е. отсутствием реальной угрозы большой войны со стороны главного военного противника в лице Запада при невозможности всерьез угрожать ему самой.

Знамя победы над поверженным германским Рейхстагом и установление промосков-

ских коммунистических режимов в Восточной Европе позволило Советскому Союзу восстановить отечественную имперско-державную идентичность, поколебленную военными неудачами последнего Романова в начале XX в. Но при защищенности «ядерным зонтиком» от внешних военных угроз такая идентичность начинала размываться, а официальная советско-социалистическая идентичность могла поддерживать ее только в том случае, если бы сама постоянно укреплялась успехами социализма внутри страны и заметным расширением «социалистического лагеря» за ее пределами. Однако в том и другом отношении СССР быстро двигался к границам своих возможностей, что становилось все более очевидным и для советских людей, и для руководителей государства. Тем более что границы эти со временем обозначились и в военно-технологической области.

Советский Союз прекратил свое существование, добившись статуса мировой сверхдержавы и оставаясь ею вплоть до своего распада. Он покинул историческую сцену потому, что, решая одни проблемы, создавал другие, которые оказывались для него неразрешимыми. Бремя обретенной сверхдержавности стало для него столь же непосильным, как и вызовы, порожденные урбанизацией и развитием образования. Его распад – прямое следствие его достижений.

Но дело не только в том, что советский социализм не смог ассимилировать эти результаты и устоять перед их последствиями. Идеологические цели, которые реализовывались в СССР, в сочетании с методами, которыми в нем снимались проблемы досоветской России, во многом возвращали страну к более низкой точке эволюции по сравнению с достигнутой при Романовых. Об этих исторических потерях тоже подробно говорилось выше, и нам осталось лишь их суммировать.

1. Ликвидация прежнего раскола между государственной и догосударственной культурой посредством принудительного огосударствления жизненного уклада не означала, что в СССР возникла новая государственная культура. Упразднение обычного права и распространение принципа законности вширь,

т. е. на все население, и даже доведение его до юридически фиксированного равенства прав сами по себе эту задачу не решали. Во-первых, потому, что данный принцип не стал универсальным, поскольку руководство правящей коммунистической партии было выведено за пределы его действия. Во-вторых, само такое выведение свидетельствовало о том, что вне юридического контроля оказывалась вся система правоприменения: ее монопольным контролером выступала надзаконная партийная власть, легитимировавшая себя не юридическим, а декларировавшимся от имени науки историческим законом. Или, что то же самое, коммунистической идеологией. В правовом отношении советская эпоха возвращала страну ко временам Петра I и даже Ивана Грозного. Движение к правовой государственности, наметившееся при Романовых, было прервано. Речь идет не только о той тенденции, которая обозначилась при Николае II и выразилась в юридическом ограничении самодержавия. Речь идет и о тенденциях более ранних.

Самодержавие додумского периода, подобно КПСС, обладало монополией на законотворчество. Но неограниченные полномочия самодержцев фиксировались юридически, а после убийства Павла I, т. е. начиная с XIX в., фактически были ограничены в том смысле, что император должен был считаться с действующим законодательством. В военно-приказной государственной системе, оформившейся в СССР при Сталине, реальный законодатель в лице партийного первосвященника скрывался за законодателем фасадным – Верховным Советом и его президиумом – и никакими ограничениями в законотворчестве и правоприменении связан не был. Преемники Сталина попытались, бессознательно идя по пути российских самодержцев, легитимировать свою неограниченную власть юридической нормой о «руководящей и направляющей» роли КПСС. Более того, в Конституции 1977 г. появилась даже констатация, что все партийные организации действуют в рамках закона. Тем не менее с точки зрения реального правового содержания послесталинская государственность все

еще уступала государственности последних Романовых.

Власть российских императоров, наряду с юридическим, имела династический источник легитимности. Власть КПСС, приобретенная революционным путем и утвержденная силой, собственного источника легитимности не имела, а потому не имела оснований и ее претензия на «руководящую и направляющую» роль. Законодательное закрепление этой роли в Конституции не снимало вопрос о юридической обоснованности самого такого закрепления. Кроме того, за пределами правового регулирования оставалась и власть партийного аппарата, а главное – генерального секретаря, которая в отличие от власти российских императоров законодательно не оговаривалась вообще. Ничего не меняло в данном отношении и конституционное ограничение деятельности партийных организаций, ибо собственно правовые механизмы такого ограничения отсутствовали.

Если учесть сохранявшуюся подконтрольность парткомам советского суда, то станет очевидным и принципиальное отличие тенденций послесталинского периода от наметившихся в последние десятилетия правления Романовых. Во втором случае речь шла об эволюции в направлении правовой государственности, что проявилось в движении к независимости судов (с присяжными заседателями и независимыми адвокатами), учреждении земств и, в конечном итоге, в юридическом ограничении самодержавия в пользу Государственной думы. В первом – об имитации правовой государственности, что как раз и свидетельствовало о неспособности коммунистической системы создать новую государственную культуру. Эта система могла выстроить лишь ситуативное государство с ситуативной легитимностью.

В наследство от него постсоветская Россия получила некоторые важные принципы: всеобщность закона и равенство перед ним, включая равенство прав, которые в России Романовых утвердиться не успели и массовым сознанием освоены не были. Но и в СССР, став достоянием сознания, они были не

жизненной реальностью, а ее парадным фасадом. Поэтому советская эпоха оставила после себя не культуру правовой государственности, а псевдокультуру правовой имитации, инерция которой сказывается по сей день.

2. Значительными стратегическими потерями при ситуативных успехах сопровождалась в СССР и индустриальная модернизация. Из двух основных ее вариантов: германского и американского, известных в то время в мире, ориентиром был выбран германский. В отличие от американского, с его ставкой на экономическую свободу, индивидуализм и высокую оплату труда, он предполагал значительную программирующую и стимулирующую роль государства в развитии промышленности и усиленный контроль над рабочими. Такой выбор был обусловлен как тем, что немецкая модель считалась достаточно эффективной, так и тем, что она в большей степени соответствовала доктринальным установкам большевиков на огосударствление экономики. Но тем самым советские руководители оказывались и преемниками той традиции отечественных государственных модернизаций «сверху», которая сложилась задолго до них. Новаторство же их заключалось в том, что они довели ее до наиболее полного, предельного воплощения. В этом отношении они тоже следовали не столько за последними Романовыми, ориентировавшимися, в свою очередь, на немецких императоров, сколько за Петром I, но пошли гораздо дальше него.

Подобно Петру, Сталин осуществлял технологическую модернизацию посредством милитаризации всего жизненного уклада страны с той лишь разницей, что он делал это не в военное, а в мирное время. Однако гораздо более существенное отличие заключалось в том, что сталинская индустриализация проводилась не просто при ограничении рыночных отношений и прав собственности, как было во времена Петра, а при полной ликвидации рынка и его замене государственным целеполаганием. Именно это и обусловило стратегическую уязвимость советской индустриальной системы. Создать ее государство смогло, но оно было не в состоянии

обеспечивать ее саморазвитие, сообщать ей импульсы для новых модернизаций. Единственной сферой, в которой эта система обладала конкурентоспособностью по отношению к рыночным экономикам, был военно-промышленный комплекс, поставленный особо привилегированное положение.

В определенном смысле Советский Союз оказался в той же модернизационной ловушке, в какую попала Россия при последних Романовых. В том и другом случае модернизация отдельных приоритетных сегментов экономики осуществлялась при консервировании всех остальных, а вместе с ними и большинства населения в нединамичном, стагнирующем состоянии. Но если в конце XIX – начале XX в. город и городская промышленность развивались за счет сохранения архаичных порядков в доиндустриальной деревне, то в советском варианте поддержание технологической конкурентоспособности ВПК осуществлялось за счет недофинансирования гражданских секторов при заблокированности дальнейшей модернизации не только в деревне, но и в городе. Тот факт, что Романовы до столыпинских реформ сохраняли архаичный сельский уклад сознательно, а советские лидеры оказались заложниками созданной ими нерыночной системы, нечувствительной к модернизационным вызовам, принципиального значения не имеет. Существенно лишь то, что в советский период наметившаяся при Романовых тенденция государственно-рыночной модернизации была пресечена и заменена модернизацией государственно-безрыночной, которая обернулась трудновосполнимыми стратегическими потерями.

Советская экономика являлась столь же ситуативной, как и советская государственность. Ликвидировав рыночно-предпринимательскую культуру, развивавшуюся в досоветской России, коммунистическая система не создала новую продуктивную культуру, альтернативную рыночной, но осложнила возвращение на прерванный путь. Много из того, что его прервало, в советскую эпоху из народной жизни исчезло. Однако инерция огосударственной экономики сказывается в постсовет-

ской России не меньше, чем инерция фасадно-имитационной государственности.

3. Советская индустриальная модернизация не только не вывела страну из тупиков экстенсивного хозяйствования, издавна в ней доминировавшего, но и ликвидировала все ростки интенсификации, которые медленно прорастали в досоветском городском предпринимательстве, в лучших помещичьих и «кулацких» хозяйствах. Коммунистической системе принадлежит приоритет в создании экстенсивной экономики нового типа, основанной не столько на вооруженных захватах чужих земель и мировых рынков, сколько на перманентной нерыночной индустриализации, распространявшейся в пространстве без качественных изменений во времени. Экстенсивность как продукт осуществленной технологической модернизации, лишенной собственных модернизационных импульсов, – таков был незапланированный и непрогнозированный исторический результат полного вытеснения рынка и рыночных субъектов государством.

Замена сохи и лошади на трактор приносила первичный хозяйственный эффект, но при отсутствии организационных, управленческих и экономических стимулов для дальнейшей интенсификации он был обречен остаться разовым. Поэтому внедрение индустриальных технологий в сельское хозяйство не сопровождалось решением продовольственной проблемы, а форсированное освоение целинных земель и их последующее неэффективное использование стали выразительным свидетельством безальтернативной экстенсивности, которая довлела над коммунистической системой хозяйствования. О том же свидетельствовали закупки новейшего импортного оборудования, происходившие на всем протяжении советского периода: само по себе оно не обеспечивало в СССР уровень производительности и качества, который обеспечивало в странах, откуда ввозилось. И в сельском хозяйстве, и в промышленности такая система, даже заимствуя инновации, могла развиваться только вширь за счет увеличения площади распахки или строительства новых предприятий, благодаря

чему и осуществлялся какое-то время экономический рост.

Как и любая экстенсивная экономика, ее индустриальная советская версия имела свои естественные (природные) границы. Раньше других обозначилась граница демографическая – сельский источник рабочей силы, необходимой для продолжения индустриальных новостроек, к 1970-м гг. иссяк, и экстенсивность обернулась стагнацией, предопределившей последующий распад коммунистической системы. Он был отсрочен благодаря высоким мировым ценам на нефть: экстенсивная экономика, достигшая своего предела, может продлить свое существование, если располагает природным ресурсом, позволяющим ей подключиться к интенсивным экономикам за рубежом.

Советское государство, претендовавшее на замену рынка, в конечном счете перед ним капитулировало. Но наследство, которое оно оставило, адаптировать к рынку было непросто. Оно оставило после себя огромный индустриальный сектор, производивший продукцию, которая при директивно-плановом сбыте потреблялась в основном внутри самого этого сектора и за редкими исключениями, относившимися прежде всего к сырьевым отраслям и некоторым сегментам сверхпривилегированного ВПК, рыночной ценности не имела. Оно оставило после себя экономическую среду, не знавшую понятия конкуренции и к ней непрядрасположенную. Среду, в которой отечественная традиция экстенсивного хозяйствования была полностью очищена от тенденций интенсификации, пусть и слабых, наметившихся в последние десятилетия правления Романовых.

4. Существенно ослаблен в советский период был и личностный потенциал страны, накопленный в досоветские столетия. Радикально-революционная смена правящей элиты и ее комплектование из представителей низших классов не могли не сопровождаться ее провинциализацией, резким падением культурного качества и девальвацией в ней субъектного начала. Те способы мобилизации личностных ресурсов, которые культивировались в коммунистической системе,

способствовали продвижению наверх людей с исполнительской психологией и энергетическим потенциалом, позволявшим им воплощать в жизнь поступающие из властного центра государственные планы-приказы. Любое другое проявление инициативы исключалось.

Консолидация новой элиты вокруг верховной власти осуществлялась посредством возвращения идеологии и практики «беззаветного служения», которое осознавалось не как возвращение, а как историческое новаторство, соответствовавшее первопрородческому пафосу коммунистического целеполагания. Однако советская элита оказалась столь же ситуативной, как советская государственность и советская планово-безрыночная экономика, причем в ходе своей эволюции элита эта утрачивала и первоначально присущую ей энергию политических целеполаганий и целевоплощений.

Идеология «беззаветного служения» выхолащивалась по мере того, как сталинская милитаристская модель коммунистической системы сменялась моделью демилитаризованной. Как и в послепетровской России, демилитаризация жизненного уклада сопровождалась элитной приватизацией государства и превращением «беззаветного служения» в фасадную формулу, прикрывавшую у многих служение частному интересу. Но такой, как в позднесоветскую эпоху, неостребованности личностных ресурсов, такой их демобилизации и такого подавления субъектности самодержавно-дворянская Россия все же не знала. Она сумела освоить европейскую гуманитарную культуру и создать ее оригинальную собственную ветвь. Медленно, не всегда уверенно, не без попятных движений, но она все-таки открывалась западному миру, заимствуя у него не только военные технологии, но и экономические, политические и организационные идеи, что сопровождалось законодательным утверждением института частной собственности, развитием частной хозяйственной инициативы, мобилизацией личностных ресурсов в земское самоуправление, а в последний период правления Романовых – даже легализацией,

пусть и вынужденной, партийно-политической субъектности. В советскую эпоху все это было утрачено, и Горбачеву, осознавшему решающую роль «человеческого фактора» в развитии страны, в данном отношении приходилось начинать отечественную историю заново.

Демобилизация личностных ресурсов к исходу советского периода наблюдалась не только в партийной, государственной и хозяйственной элите. Она повсеместно наблюдалась и среди рядовых работников. Вместо экономического, «буржуазного» стимулирования труда еще во времена Сталина была изобретена мотивация, приравнивавшая мирный труд к ратному посредством его героизации. Серьезными успехами ее использование не сопровождалось и в сталинской военно-приказной системе, где она дополнялась – в полном соответствии с природой системы – стимулированием репрессивным. В постсталинский же период такая мотивация постепенно и вовсе становилась анахронизмом, но ничего другого коммунистические лидеры противопоставить ей не могли. Советская уравниловка в оплате труда переносила в индустриальное общество прежнюю общинную крестьянскую традицию, в границах которой мобилизация личностных ресурсов не только не предполагалась, но и считалась предосудительной. Соединить уравниловку с такой мобилизацией посредством орденов, медалей, досок Почета и прославления передовиков производства в газетах коммунистической системе не удалось. Но в результате проводившейся большевиками политики была пресечена и досоветская тенденция преодоления уравниловки, обозначившаяся в хозяйственной деятельности крестьян, выделившихся из общины при Столыпине. И это тоже была стратегическая потеря.

Тем не менее большевистский режим споткнулся в конечном счете о ту же самую проблему, нерешенность которой привела к обвалу самодержавно-православной монархии Романовых. Речь идет о сочетании общего (государственного) и частного интересов. Романовы не могли справиться с этой проблемой, потому что ее решение блокирова-

лось социокультурным расколом. В расколотом социуме не может укорениться само понятие об общем интересе, если иметь в виду не противостояние внешним угрозам, а обустройство внутренней жизни. Отсюда и особая консолидирующая роль войн в истории России. Отсюда – трудности ее консолидации в условиях длительного мира. Но отсюда же – и русская идеология соборности: она фиксировала не столько наличную реальность, сколько мечту о том, что в этой реальности отсутствовало. Идеальное соборное должное призвано было духовно скреплять расколотое, т. е. совсем не соборное, сущее. Но если в наши дни данная идеология снова востребована, то отсюда следует, что советская система, устранив раскол, общепризнанное представление об общем интересе утвердить не сумела, и что в постсоветской России застарелая отечественная проблема по-прежнему остается проблемой.

Коммунистическая концепция общего интереса своими неосознанными жизненными аналогами имела, с одной стороны, модель военной консолидации, а с другой – модель архаично-синкретичных, нерасчлененных, внутренне не дифференцированных общностей, в которых частные интересы не обрели еще самостоятельного статуса и выступают как проекции интереса общего. Чтобы воспроизводить эти модели в индустриальную эпоху, большевики должны были имитировать наличие агентов внешних враждебных сил внутри страны, осуществлять тотальную идеологическую унификацию, лишая частные интересы легитимности и закреплять монополию на представительство общего интереса за одним властным институтом в лице сакрализованной коммунистической партии. Но такое решение опять-таки могло быть лишь ситуативным. Большое и сложное современное общество не может долго функционировать как простое, и руководителям СССР в конце концов пришлось в этом убедиться на собственном опыте. Тем более что советское общество по мере своего развития становилось все более сложным и дифференцированным.

Последнее же, не получив в наследство от советского периода правовых способов

решения конфликтов и унаследовав от него способы правовых имитаций, стать представителем общего интереса оказывается не в состоянии, а оказывается в состоянии лишь такое представительство имитировать.

5. Обвал «реального социализма» и распад СССР показали, что коммунистический цивилизационный (формационный) проект был таким же стратегически нереализуемым, как и предшествовавшие ему отечественные проекты. Однако его претворение в жизнь сопровождалось и существенным падением уже достигнутого ранее цивилизационного качества страны и ее государственности. Частично эти исторические утраты компенсировались некоторыми приобретениями, но нового устойчивого качества они не создавали.

Продекларировав всеобщность принципа законности и доведя его до юридического равенства прав, коммунистическая система с формальной точки зрения утверждала более высокий цивилизационный стандарт по сравнению с достигнутым при Романовых. Но с содержательной точки зрения это был откат в прошлое под видом прорыва в будущее. И дело не только в том, что из перечня прав советская законность исключала право собственности. Дело в том, что само такое исключение означало превращение в монопольного собственника государства, а такое превращение, в свою очередь, означало выведение государства за пределы действия принципа законности. Тем самым начавшееся при Романовых развитие в направлении правовой государственности прерывалось, и за формально правовым фасадом происходило возвращение к той комбинации двух других цивилизационных элементов: силы и веры, которая имела место в Московии Рюриковичей. Существенная разница заключалась лишь в том, что вера теперь была светской и выступала от имени научного знания.

Этот симбиоз силы и новой веры, получившей институциональную опору в коммунистической партии и ее аппарате, призван был обеспечить прорыв в глобальную цивилизацию второго осевого времени, альтернативную цивилизации западной. Реально же речь шла о реанимации в новых условиях

староимперских мировых проектов, т. е. проектов первого осевого времени, глобалистская устремленность которых успела повсеместно выявить свою несостоятельность. Большевикам удалось почти полностью восстановить распавшуюся империю Романовых и даже расширить ее за счет внешних сателлитов – стран «социалистического лагеря». Но светская вера в иной и лучший мир, не подтверждаемая очевидными цивилизационными достижениями, имеет свойство слабеть и иссыхать, что и произошло с ее коммунистической разновидностью.

Компенсировать же увядание этой веры возвращением от фасадной законности к ре-

альной система не могла: с ее природой подобное возвращение было несовместимо, о чем и свидетельствуют все попытки такого рода, предпринимавшиеся в послесталинский период. Когда же Горбачев, того не осознавая, решил ее природу проигнорировать и соединить идею социализма с идеей правовой государственности, т. е. отказаться от ставки на надзаконную силу, советский цивилизационный проект почти сразу же обнаружил свою исчерпанность. Распался не только «социалистический лагерь». Распалась и Российская империя, историческое существование которой большевикам удалось продлить почти на три четверти века.